

Политэкономия водной небезопасности в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс – один путь»

Патрик Мартенс

Маастрихтская школа менеджмента

Электронная почта: martens@msm.nl

МРНТИ 70.94.15

doi: 10.29258/CAJWR/2018-RI.v4-1/89-109.rus

Данная версия является переводом статьи «The political economy of water insecurity in Central Asia given the Belt and Road initiative», опубликованной в журнале 6 декабря 2018 г

Аннотация

Центральная Азия является неотъемлемой частью инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), а управление водными ресурсами – одним из важнейших вопросов для региона. В последнее время Китай стал более активно преследовать свои экономические и политические интересы на евразийском пространстве, и его экспансионистским устремлениям уделяется большое внимание в научной литературе, которая и послужила источником информации для настоящей статьи. Успех или провал ОПОП тесно связан с политэкономическим измерением водного хозяйства в Центральной Азии, и цель настоящей статьи заключается в демонстрации ключевой роли воды для такой масштабной экономической программы как ОПОП в контексте новейшей истории. Прежде всего, в статье анализируются соответствующие научные работы и суть дискуссий относительно мотивов и намерений КНР, а также их влияние на водную ситуацию в верховьях и низовьях рек. Далее водная проблематика и вопросы управления водными ресурсами анализируются, в частности, на основании имеющихся данных об опыте Китая по реализации проектов в странах-участницах ОПОП, геополитической ситуации, складывающейся между странами региона, и текущего экологически обусловленного конфликта [интересов] в регионе. Методология в целом соответствует системному подходу, то есть понимание достигается за счет концентрации внимания на взаимодействующих подсистемах: политических, экономических, географических, социальных и экологических факторах в контексте новейшей истории и литературы, посвященной намерениям и мотивации Китая. Основные выводы исследования заключаются в том, что, предлагая перспективы экономического развития, инициатива ОПОП одновременно сопряжена с неизбежными рисками конфликтов и неэффективности целевых проектов, особенно в свете текущих и потенциальных водных конфликтов. Требуется усовершенствование механизмов трансграничного регулирования, особенно трансграничных речных систем, вовлечение заинтересованных сторон и обеспечение эффективного проектного управления. Предполагается, что представленная здесь аргументация найдет отклик среди ответственных руководителей и проектных организаций.

Ключевые слова: управление водными ресурсами, водная небезопасность, политическая экономия, урегулирование конфликтов, Центральная Азия, инициатива «Один пояс – один путь».

Тип статьи: техническая статья

1. Введение

В настоящей статье делается срез научной литературы по теме текущей экспансии Китая и анализируются движущие факторы китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). В статье дается оценка того, как китайские власти комбинируют мероприятия в сфере торговли, международной помощи и инвестиций для достижения главенствующей роли в регионе, равно как и делаются предположения о том, как это может повлиять на экологические и социальные системы, особенно в отношении водных ресурсов. Анализ исследовательских работ по внешней политике Китайской Народной Республики (КНР) с момента прихода к власти Си Цзиньпина указывает на отсутствие консенсуса в академической среде касательно целей и намерений Китая или, иначе говоря, единого мнения о финансовой и экономической мотивации официального Пекина. Несмотря на то, что в тематических статьях акцентируется уход Китая от известной концепции Дэн Сяопина «скрывайте силу и ждите благоприятного момента» – характерной для китайской системы государственного управления на протяжении нескольких десятилетий – при анализе текущей более «напористой» линии действий Китая наблюдатели все же исходят из несколько других причин, обуславливающих активизацию китайской внешнеэкономической дипломатии в последние годы. С одной стороны, утверждается, что внешнеэкономические намерения КНР носят миролюбивый характер и служат лишь общей цели развития Китая и его партнеров, с другой же – что Китай стремится подорвать существующий мировой экономический порядок и для достижения своих собственных целей порой прибегает к принудительным и «агрессивным» приемам. Аппарат политэкономической науки позволяет анализировать глубинные мотивы Китая параллельно с оценкой новейшей экономической истории Центральной Азии (ЦА) и возникающих последствий и результатов масштабной политической инициативы ОПОП, представляющей собой пакет плановых инвестиций в размере 900 млрд дол. США в различные сферы – от энергетики и трубопроводов до портовой, дорожной и железнодорожной инфраструктуры по всему миру. Соответствующие экономические и политические эффекты оказывают дополнительное воздействие на социальные, институциональные и экологические системы в регионе и за его пределами. Водные ресурсы, управление водными ресурсами и водопользование были важнейшими факторами развития центральноазиатского региона в советский и остаются таковыми в постсоветский период. В новую эпоху китайской экономической экспансии их значимость лишь возрастает. основополагающим принципом настоящего исследования является то, что анализ намерений и мотивации Китая, лежащих в основе инициативы ОПОП, информативно полезен, однако для формирования более четкой политэкономической картины в ЦА требуется понимание общей ситуации на постсоветском пространстве, включая институциональные механизмы, системы регулирования, равно как и экологические, социальные и этнические составляющие. Водная небезопасность всегда была и остается ключевым элементом политэкономической ситуации в Цен-

тральной Азии и, вероятно, окажет серьезное влияние на многие проекты инициативы «Один пояс – один путь» в регионе.

2. Методологический подход

В рамках настоящего материала сначала анализируются научные источники и дается оценка мотивов, интересов и участия Китая в международных и региональных финансовых и торговых режимах, а затем более детально рассматривается сама инициатива ОПОП, основополагающие намерения КНР и политэкономический контекст в Центральной Азии. Взятые из литературы ключевые идеи и противоречивые аргументы подверглись критическому осмыслению с целью прояснения мотиваций Китая в его отношениях с «партнерскими» державами, например, США, ЕС и Россией, наряду с отношениями с вовлеченными в ОПОП центральноазиатскими государствами. Методология исследования носит дискурсивный характер и основывается на теории систем, т.е. рассмотрении политических, экономических, географических, социальных и экологических факторов в их тесной взаимосвязи и взаимовлиянии друг на друга с учетом создаваемых ими «волновых эффектов» (цепных реакций) за пределами целевых стран. Применение выкладок системного теоретика Рассела Акоффа позволяет увидеть различные вопросы и проблемы в ЦА не как изолированные, а наоборот как взаимозависимые и динамические процессы, состоящие из взаимодействующих друг с другом сложных систем меняющихся вызовов (Акофф, 1974). Главный вопрос настоящего исследования заключается в том, сможет ли геополитическая и экономическая экспансия Китая, ознаменованная инициативой «Один пояс – один путь», кардинально и конструктивно изменить правила игры в долгосрочной перспективе, или же эффект от нее будет сдерживаться внутренними недостатками и системными факторами риска, присущими политэкономической архитектуре центральноазиатского региона.

3. Исследования по мотивации и намерениям КНР: обзор и обсуждение

Многие ученые, особенно китайские, подчеркивают стремление КНР стать ответственной державой и фокусируют свое внимание на мирном характере ее намерений. Вместе с тем, например, Цзянь Чжан считает, что политика мирного развития нового руководства страны коренным образом отличается от политики его предшественников. В частности, он отмечает «твердое намерение Китая решительно защищать свои основные интересы». Хотя поначалу может показаться, что его мнение в большей степени касается китайских приоритетов в сфере политики и безопасности, фактически в зарождающуюся эпоху Си Цзиньпина концепция действий в национальных интересах была расширена, включив в себя экономические интересы и интересы в области развития (Чжан, 2015). С этой точки зрения, любые факторы, которые способны оказать существенное влияние на экономическое развитие Китая, такие как ресурсная обеспеченность или морская безопасность, могут рассматриваться как входящие в сферу основных национальных интересов, требующих решительных шагов. Внешнюю политику и дейст-

вия КНР, включая борьбу с протекционизмом за рубежом, наращивание объема зарубежных инвестиций и расширение зарубежного экономического и финансового присутствия, также можно рассматривать как таковые для современного Китая. Чжан называет это «Мирным подъемом 2.0», в основе которого лежат приверженность защите национальных интересов, включая, если потребуются, и экономических, и принцип взаимности, т.е., что не только Китай, но и третьи страны должны быть привержены стремлению к мирному развитию. Проще говоря, в отличие от времен предшественников Си Цзиньпина – когда официальный Пекин стремился убедить международное сообщество в миролюбивости своих намерений – сегодня он заинтересован в получении взаимных стратегических заверений от других стран.

В литературе постепенно формируется альтернативное мнение, заключающееся в том, что политика нового китайского руководства по своей сути не является мирной. Соответствующие авторы акцентируют внимание на растущей степени настойчивости и, даже, «понудительном» характере действий Китая, сопровождающих его растущее экономическое влияние, равно как и указывают на попытки КНР вынуждать другие страны менять свои политики и приводить их в соответствие с китайскими интересами, используя экономические средства и рычаги. Поэтому, утверждают приверженцы данного мнения, Китай по сути действует, исходя из своих собственных интересов. В качестве примера, такие обычно авторы упоминают ряд случаев, когда Китай «наказывал» страны, пытавшиеся предпринять шаги, игнорирующие его интересы, и, с другой стороны, поощрял тех, кто «играл по китайским правилам». Так, по мнению Чан-Ляо очевидное увязывание китайским руководством экономических выгод с политическими указывает на его склонность к формированию поведения государств-соседей (Чан-Ляо, 2016). В этой связи можно упомянуть несколько примеров применения Китаем санкций в качестве наказания других стран и продавливания своей политической повестки. Характерным примером этого является присуждение Нобелевской премии мира 2010 г. китайскому диссиденту Лю Сяобо. Независим от норвежского правительства, это все равно привело к бойкоту Осло со стороны Пекина, выразившемся, например, в сокращении импорта лосося и переносу на неопределенный срок китайско-норвежских переговоров по Соглашению о свободной торговле (ССТ). Другой пример – заслуживающий внимания в связи с китайским «морским Шелковым путем», который считается неотъемлемой частью инициативы «Один пояс – один путь» – касается напряженности в связи с рифом Скарборо в Южно-Китайском море, которая привела к блокировке Китаем экспорта бананов с Филиппинских островов и негативно сказалась на филиппинской туристической отрасли. В конечном счете, серьезное давление со стороны деловых кругов вынудило филиппинское правительство сгладить связанную с рифом напряженность и отозвать свои морские суда. Несмотря на то, что оба инцидента имели место до прихода к власти нового руководства КНР, являясь проявлениями нового «активизма» в сфере экономической дипломатии и дающие соответствующие сигналы, они указывают на то, что новые китай-

ские руководители поддерживает идею применения экономических ресурсов для достижения внешнеполитических целей. Ввиду этого подобные шаги официального Пекина в рамках более активной общей внешней политики Си Цзиньпина не должны вызывать удивления, и, более того, являются вполне ожидаемыми.

Становится все более очевидным, что отношения между Соединенными Штатами Америки и Китаем в значительной степени определяются существующими и будущими глобальными экономическими и политическими правилами. В свете озаглавленных ОПОП амбициозных инвестиционных и инфраструктурных планов представляется целесообразным изучить работы, анализирующие это непростое «партнерство» с точки зрения намерений Китая. Так, Тимоти Хит рассматривает экономическую политику КНР как важный аспект «партнерства», имеющий как положительные, так и с негативные последствия (Хит, 2016). Так, он обращает внимание на двойственность и двусмысленность китайского процедуры принятия экономических и политических решений. С одной стороны, Китай является одной из стран, извлекающих наибольшую выгоду из существующего, основанного на правилах международного экономического порядка, который был очевидным драйвером его развития в течение последних нескольких десятилетий. С другой же стороны, китайские лидеры всегда считали, что существующая система в большей степени учитывает интересы западных стран и ставит их в привилегированное положение. Автор анализирует весь спектр возможных мотивов Китая, обуславливающих его решения и инициативы, такие как трансформация в более сильную торговую державу, развитие технологий и – уже в политической плоскости и терминах безопасности – наращивание своих преимуществ в противовес США. Далее автор утверждает, что, вероятно, официальный Пекин действительно имеет планы по изменению существующего уклада, но, скорее, склоняется к мысли о том, что в данном случае официальный Пекин предпочитает, чтобы соответствующие трансформации носили постепенный, а не радикальный характер ввиду осознания реальной глубины своей интегрированности в мировую экономическую систему и признания необходимости поддержания стабильных отношений со своими главными торговыми партнерами, такими как США и Евросоюз. Кроме того, в контексте инициативы «Один пояс – один путь» возник еще один красноречивый пример – проект по развитию порта Анаклия на черноморском побережье Грузии – один из ключевых перевалочных хабов в рамках ОПОП и, как представляется, предполагающий определенную степень сотрудничества между Китаем и США. Оператором проекта выступает американо-грузинский консорциум, а китайская компания *Shanghai Zhenhua Heavy Industries Company Limited (ZPMC)* уже инвестировала в него 50 млн дол. США.

Аналогичным образом в своем анализе китайской экономической дипломатии Гвим и Пемпель подвергают критике теорию экономической китайско-американской взаимозависимости. Авторы утверждают, что понятие взаимозависимости абсолютно неприменимо к отношениям Пекина и Вашингтона, поскольку обе столицы далеки от достиже-

ния уровня комплексной взаимозависимости – в действительности каждая сторона просто признает наличие у другой рычагов встречного влияния и соглашается «попеременно уступать» по ряду вопросов (Гвим и Пемпель, 2016). Согласно этой точке зрения, именно «пере-комбинирование», а не только либеральные, националистические или популистские цели, является наиболее вероятным вектором эволюции китайской политики, поскольку процессы подъема Китая и его участия в мировой экономике накладываются на глобальные и международные системы и процессы, из которых он извлекает выгоды. Это означает, что, невзирая на принятие различных норм и ценностей в рамках современных финансово-политических режимов, Пекин одновременно стремится к пересмотру правил, в настоящее время доминирующих во многих международных организациях на региональном и даже глобальном уровнях. Это становится очевидным при анализе новых институциональных моделей, формирующихся в так-называемой Большой Азии.

Выражая альтернативную точку зрения, Надин Годехарт характеризует инициативу «Один пояс – один путь» как политическую, продвигаемую КНР в целях изменения мировой системы во главе с США. Данная работа отличается от других тематических исследований тем, что автор, в частности, концентрирует свое внимание на китайском понимании «порядка», а именно на концепции «Тянься» (все под небесами) – географической и социальной общности, поддерживаемой всеми людьми и даннической системой, существовавшей в Восточной Азии столетия назад, когда Китай действительно был на пике своего могущества в регионе (Годехарт, 2016). Аналогичным образом, Миллер заявляет, что экономическая дипломатия Пекина направлена на создание современной даннической системы неоимпериалистического характера, в которой буквально все дороги ведут в Китай (Миллер, 2017). Поскольку в рамках данной позиции признается роль КНР в существующей международной архитектуре, равно как и его участие в глобальных сетях, инициатива ОПОП видится автору как альтернативная международная геополитическая модель. Центральное место в этой линии аргументации занимают концепции «Тянься» и «Срединного царства». При этом Китай характеризуется в качестве фундамента ОПОП и, в конечном счете, международного порядка, включающего такие положительные аспекты как инклюзивность, открытость и укрепление сотрудничества между всеми заинтересованными странами. Таким образом, согласно такому взгляду инициатива «Один пояс – один путь» обладает потенциалом не только трансформировать структуру международной политики и экономики, но и сделать свои выгоды доступными для всех с конечным результатом в виде особой формы китайской стабильности, противодействующей хаосу. Главный риск заключается в том, что расположенные вокруг КНР государства могут не захотеть стать его де-факто вассалами и в своем стремлении сохранить независимость могут попытаться присоединиться к более крупной даннической системе – США плюс их основные союзники в регионе в лице Японии и Южной Кореи. Помимо геополитических, также наблюдаются и значительные системные риски, характерные для периодов и процессов преобразования

масштабных инфраструктурных проектов в торговые, инвестиционные и экономические преимущества, которые в конечном итоге и будут определять степень влиятельности Китая. Опыт показывает, что подобные риски могут стремительно перерасти в разногласия и конфликты.

Исследования по китайской экономической дипломатии уделяют большое внимание значимости Пекина для региона Восточной и Центральной Азии. При этом, диапазон высказываемых мнений варьируется в диапазоне от стремления КНР к получению конкурентных преимуществ по отношению к Японии до обеспечения себе доминирующего или значительного статуса в региональных организациях. В данном контексте важную роль играют соглашения с Китаем о свободной торговле, в частности ССТ между Китаем и АСЕАН, которое может послужить триггером к усилению региональной интеграции в Восточной Азии, а также бросить вызов унилатерализму США. В дополнение, ряд аналитиков отмечают стремление Китая превзойти одного из своих региональных конкурентов и партнеров США – Японию. Ходли и Ян ссылаются на успехи, которых Япония добилась в Юго-Восточной Азии за несколько последних десятилетий, что заставило Китай предпринять шаги для повышения собственного авторитета в регионе (Ходли и Ян, 2007). Кроме этого, активное участие КНР в деятельности региональных организаций и увеличение объемов инвестиций и торговли с соседями могут служить аргументом в пользу мнения о действительно мирном подъеме Китая и, следовательно, содействовать развенчиванию обеспокоенности относительно угрозы в связи с его усилением. Несмотря на то, что такое мнение было впервые озвучено еще за несколько лет до прихода к власти Си Цзиньпина, оно сохраняет свою актуальность и сегодня при оценке экономических и политических мотивов официального Пекина в регионе с особым акцентом на Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и ОПОП. Ввиду глубокого сотрудничества между государствами-участниками ряд авторов ссылаются на такие проекты в качестве аргумента, дискредитирующего предположения о «китайской угрозе» и стремлении официального Пекина расширить свое влияние, в первую очередь, на региональном, а затем и на международном уровнях.

Оценивая последствия реализации инициативы «Один пояс – один путь» для Европы, Касарини соглашается с тем, что за этим проектом могут стоять геополитические мотивы, и определяет его как «План Маршалла» по-китайски, который, по всей видимости, направлен на внедрение определенных политических условий и наращивание влияния в целевых странах (Касарини, 2016). Данная точка зрения сосредоточена на экономических и политических интересах КНР при реализации ОПОП, таких как экспорт китайской модели развития в разные части мира, на внутренних экономических задачах, в частности, необходимости реструктуризации секторов экономики, страдающих от избытка производственных мощностей, которые можно решить за счет международного расширения. Холслаг, напротив, рассматривает мотивацию официального Пекина более широко, главным образом, уделяя внимание возможной финансовой и политиче-

ской подоплеке амбициозных планов Пекина и, в частности, формулирует шесть целей, которые, по его мнению, КНР преследует в рамках своих инициатив – от экспорта произведенной продукции до расширения доступа к природным ресурсам (Холслаг, 2017). Большое значение для автора имеет политическая мотивация Китая, в частности, необходимость реагирования на экономические вызовы внутри страны и на международной арене, например, через оказание помощи и поддержки китайским компаниям и борьбу с протекционизмом в странах-партнерах, включая европейские.

Противопоставление мнений о стремлении Китая к геостратегическому господству, с одной стороны, и конструктивному экономическому развитию, с другой, или, выражаясь языком Кули, «игроков и торговцев», помогает осознать политэкономическое измерение инициативы «Один пояс – один путь» (Кули, 2016). Скорее всего, реальную ситуацию невозможно полностью отнести ни к первому, ни ко второму варианту, и она представляет собой определенное сочетание их обоих. Существует мнение, что более убедительные выводы можно сделать на основе другой линии анализа, а именно фактических экологических и социальных эффектов от внешнеэкономической деятельности КНР. Даже если рассматривать Китай как преимущественно «торговца», действующего во благо развивающихся стран, расположенных вдоль нового Шелкового пути – в конечном счете достигающего границ Европейского Союза – возникают вопросы и, как результат, сомнения относительно устойчивости такого вектора развития. Так, Лоуренс утверждает, что китайские компании и инвесторы редко руководствуются принципами справедливого экономического и социального развития, более эффективного управления и экологической устойчивости, способствующими стабильному и долгосрочному росту развивающихся стран (Лоуренс, 2017). С точки зрения экологической устойчивости известно, что крупномасштабные инфраструктурные проекты могут наносить значительный ущерб чувствительным с экологической точки зрения районам, включая негативное воздействие на водные экосистемы, гидрологические режимы и почвы. Вопиющим примером последствий такого подхода в Центральной Азии является высыхание Аральского моря в результате экономического планирования советской эпохи, когда задача расширения водоемкого хлопкового производства была поставлена выше серьезных экологических, социальных и медицинских рисков. Безусловно, случаи нанесения экологического ущерба не новы для ЦА, а сама Аральская катастрофа стала следствием шагов, предпринятых в далекие советские времена. Вместе с тем, существуют обоснованные опасения, что озеро Балхаш в Восточном Казахстане может пасть жертвой аналогичного разрушительного сценария вследствие осуществления ирригационных проектов в вышележащем китайском Синьцзяне.

Неудивительно, что большая часть современных работ, исследующих внешнюю политику Китая, касается потенциальных последствий реализации «нового Шелкового пути» и других инициатив, таких как АБИИ и Фонд Шелкового пути. Мнения как западных, так и китайских аналитиков в отношении вышеуказанных инициатив весьма раз-

нообразны. Некоторые, преимущественно на западе, называют инициативу «Один пояс – один путь» новым Планом Маршалла и подчеркивают политическую мотивацию проекта. В противоположность им большинство китайских исследователей склонны высказывать мнение о том, что целевые инициативы не имеют под собой никакой политической мотивации и направлены лишь на извлечение значительных экономических выгод как Китаем, так и другими странами, участвующими в ОПОП. Еще одно расхождение во мнениях касается того, носят ли эти новые китайские инициативы наступательный или оборонительный характер. Одни утверждают, что официальный Пекин постепенно отходит от курса Дэн Сяопина и отвергает оборонительные меркантилистские принципы, которым он следовал на протяжении десятилетий. Другие же заявляют, что его новый курс скорее оборонительный, нежели наступательный. Например, Юн Ван утверждает, что современная китайская политика на внешнем контуре является ответом на совокупность вызовов, которым ему пришлось противостоять в течение многих лет, начиная с жесткой привязки Азии к США вплоть до замедления экономического роста или, например, того, что иногда называют «новой нормой» китайской экономики (Ван, 2016). Его главный аргумент сводится к отвержению западо-центристской и нео-реалистской убежденности в агрессивности китайской экономической политики, а причины соответствующих новых инициатив КНР он видит в повышенной небезопасности, а также международной и региональной нестабильности. По мнению автора, называть искомые проекты «Великой геополитической стратегией Китая» неверно. Данная точка зрения определенно соответствует взглядам других азиатских исследователей, подчеркивающих доброкачественность политических и экономических устремлений Китая в области развития. Китайская экономическая дипломатия рассматривается ими преимущественно как оборонительная: в частности, ОПОП и АБИИ, по их мнению, представляют собой инструменты защиты от американского давления, а также укрепления азиатского регионализма при лидерской роли КНР. Очевидно, что масштабные финансовые и институциональные программы, такие как ОПОП и АБИИ, отчасти направлены на увеличение экономической мощи и влияния, равно как и на укрепление репутации Китая в странах-участницах, особенно находящихся в непосредственном соседстве. Далее в рамках данной аргументации подчеркивается необходимость установления близких отношений с соседями для предотвращения давления со стороны США и их союзника Японии.

4. Россия и постсоветское пространство

Что касается Центральной Азии, Россия – учитывая ее роль бывшего «владыки» на просторах Советского Союза – также играет здесь одну из ключевых ролей и как партнер, и, возможно, как пассивный участник инициативы «Один пояс – один путь» с политической точки зрения. Россия считает бывшие советские республики «ближнего зарубежья» частью своей сферы влияния и для подтверждения своего статуса принимала прямое участие в военных действиях в Грузии и Украине. Если серьезно воспринимать

высказывания российского президента Владимира Путина на молодежном форуме «Селигер» в 2014 г. о том, что ранее казахи никогда не имели государственности, то независимость Казахстана находится под угрозой (Кейси, 2014). Центральноазиатские государства по-прежнему находятся под влиянием России, по крайней мере, как члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС), экономической и политической модели альтернативной Европейскому Союзу и, вероятно, также и инициативе «Один пояс – один путь», хотя модальности осуществления сотрудничества в рамках ЕАЭС, в частности, благоприятствования торговым отношениям, пока что неясны. Отсутствие согласованных механизмов взаимодействия между ЕАЭС и Китаем может повлиять на общую эффективность транспортных коридоров ОПОП на территории ЦА. Несмотря на то, что Россия не может конкурировать с Китаем по скорости финансирования и строительства инфраструктуры, она все еще сохраняет значительный вес в регионе. Кроме этого, все страны Центральной Азии, Россия и Китай также являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), поддерживающей национальный суверенитет и сотрудничество в сферах экономики и безопасности. Хотя официально Пекину, вне всякого сомнения, приятен факт сотрудничества с официальной Москвой в качестве «друга» – на фоне попыток сдерживания со стороны США – эффективность ШОС была подорвана отсутствием единого мнения в отношении борьбы с экспортом терроризма с территории Афганистана и обострением социальной ситуации в Кыргызстане в 2010 г. Структурные и политические проблемы не позволили ШОС эффективно преодолеть соответствующие кризисы (Саксена, 2014). Кроме того, ШОС также не уделяет надлежащего внимания вопросам водной безопасности, проблеме разнонаправленности страновых систем управления водными ресурсами и трансграничного регулирования.

5. Экономическое развитие Синьцзяна: вопросы верховий и низовий

Еще одна заслуживающая внимания причина осуществления инициативы «Один пояс – один путь» может заключаться в озабоченности китайского руководства низким уровнем развития своих западных провинций по сравнению с восточными и южными. Данная мысль придает ОПОП внутреннее измерение, которое вполне может превосходить по значимости стремление КНР к внешней геополитической и экономической экспансии. Синьцзян является воротами Шелкового пути, открывающимися в Центральную Азию, и географическое положение провинции дает ему возможность получения экономических выгод и ускорения экономического развития, хотя Синьцзян также включен во внутреннюю инвестиционную программу, в которой, кроме него, заинтересованы все китайские провинции без исключения. Синьцзян граничит с восемью государствами, включая имеющие большое значение в рамках инициативы «Один пояс – один путь» – а именно, Казахстаном, Россией и Пакистаном – и представляет собой как транзитный узел в рамках ОПОП, так и регион стратегической озабоченности Китая. Тупс утверждает, что КНР намеревается укрепить стабильность в Синьцзяне и форсировать

его развитие с помощью своей экономической политики (Тупс, 2016). Главная цель ОПОП заключается в интеграции отстающих и экономически неэффективных китайских регионов в целостную и ориентированную на развитие внешних связей систему (Джонсон, 2016). Низкий уровень безопасности, опасения в связи с религиозно мотивированным терроризмом и, особенно, активное сопротивление коренного уйгурского населения – например, серьезные беспорядки в Урумчи в 2009 г. – являются широко известными проблемами, решение которых, как признается, лежит в экономической плоскости. Вместе с тем также не следует забывать о рисках, присущих крупномасштабным проектам инфраструктурного и сельскохозяйственного развития, к числу которых относятся вероятные конфликты в связи с ухудшением экологической ситуации и конкурентной борьбой за ограниченные ресурсы, особенно воду. В связи с этим стремление Китая обеспечить экономическое развитие и социально-политическую стабильность в Синьцзяне может вылиться в ухудшение экологической обстановки в Иле-Балхашском бассейне в Казахстане.

Обсуждение намерений, лежащих в основе инициативы «Один пояс – один путь» и внешнего вектора развития КНР, действительно информативно, но, так или иначе, дивергентные позиции исследователей вскоре будут подтверждены или опровергнуты реальными фактами, т.е. тем, как ситуация будет развиваться фактически. Река Или берет свое начало на территории Китая и обеспечивает основной приток воды в озеро Балхаш в Казахстане. Таким образом, Иле-Балхашский бассейн представляет собой трансграничную гидрологическую и экологически уязвимую систему, подверженную изменению климата – в том числе, ведущему к сокращению горного ледового стока и увеличению интенсивности испарения – равно как и непосредственному давлению со стороны промышленности и сельского хозяйства ввиду их водных потребностей. По данным Сала и др. текущий уровень воды в озере (342 м н.у.м.) поддерживается среднегодовым притоком в объеме 17 км³. Если уровень воды упадет ниже критической отметки в 336 м н.у.м., восточная часть озера исчезнет (Сала и др., 2017). Вышеупомянутые авторы также указывают на отсутствие реакции китайской стороны на просьбы о международном трансграничном регулировании данной гидрологической единицы. В качестве попытки решить эту проблему в 2001 г. была создана Казахстанско-Китайская Совместная комиссия по использованию и охране трансграничных рек, однако чрезвычайно важный вопрос вододеления пока что не вносился в повестку ее совещаний и до сих пор не решен. Аналогичным образом, Пропастин отмечает, что 75% общего притока в озеро поступает из реки Или, исток которой находится в Китае, где – учитывая планы по расширению площади орошаемых сельхозугодий до 450 000 га, а также строительству водохранилища и системы каналов в водосборном бассейне реки Или – существует реальная угроза сохранению экосистемы. Реализация указанных выше планов приведет к резкому сокращению притока воды в Балхаш вплоть до потери устойчивости системы (Пропастин, 2012). При таком сценарии сравнение «Балхашской ситуации» с Аральской экологической катастрофой становится не кажется неуместным. Можно обосно-

ванно провести параллели – как экологические, так и политические – между китайскими ирригационными планами на территории Синьцзяна и советской ирригационной системой по развитию хлопководства в Казахстане и Узбекистане. Тевс и др. проанализировали структуру водопотребления вдоль реки Или с применением технологии дистанционного зондирования (Тевс и др., 2017) и выявили рост потребления воды с китайской стороны, причем что 80% воды уходит на нужды сельского хозяйства. Также важно отметить то, что данный рост, в том числе, связан с переходом от выращивания пшеницы и масличных культур к выращиванию риса, кукурузы и хлопка, т.е. гораздо более водоемких культур. В своем анализе данная группа исследователей также указывает на значимость дельты реки Или с экологической точки зрения, как источника чистой воды, а также как территории, где развивается животноводство и выращивание кормовых культур, а также рыболовство. Они приходят к заключению, что для устойчивого управления водными ресурсами, в частности, защиты озера Балхаш и прибрежных экосистем потребуется усовершенствование ирригационных систем как в Казахстане, так и в Китае, а также переориентация на менее водоемкие сельскохозяйственные культуры.

Оросительные проекты вдоль Или не реализуются в рамках инициативы «Один пояс – один путь», однако – в случае отрицательного воздействия на сельскохозяйственных водопользователей и роста дефицита воды – негативные экологические последствия в ее нижнем течении вполне могут сказаться на общей эффективности ОПОП. Отсутствие устойчивой системы трансграничного регулирования и поощрение неустойчивых сельхозпрактик на территории Синьцзяна не будет содействовать имиджу ОПОП как направленной на конструктивное торговое и экономическое развитие программы, равно как и усилит внимание к аргументам в пользу того, что инициатива реализуется Китаем исключительно в корыстных интересах. Штернберг и др. указывают на «непрозрачность китайских процедур обеспечения ресурсных прав в регионе» и указывают, что это «говорит о наличии земельных и водных споров между местными сельскими пользователями и государственных уполномоченными организациями» (Штернберг и др., 2017). Трансграничная этническая смесь в Синьцзяне, так и в Китае в целом является осложняющим фактором, который может привести к цепным реакциям в виде ресурсного национализма и антагонизма по отношению к проектам ОПОП. Следует отметить, что в Алматинской области проживает малочисленное, но все же значительное уйгурское сообщество, выступившее против несправедливого обращения китайцев с их родственниками в Синьцзяне после волнений 2009 года. В Синьцзяне также проживает более многочисленное казахское меньшинство, особенно в Иле-Казахском автономном округе, обращение с которым получило негативный резонанс в казахских СМИ. Иными словами, Китай, Казахстан и другие центральноазиатские страны имеют общие экономические интересы в поддержании стабильных отношений, воплощением которых и является инициатива «Один пояс – один путь», но актуальные и острые экологические и этнические вопросы могут угрожать ее успешной реализации.

5.1. Ситуация на других коридорах ОПОП

Будучи соседкой Китая, теоретически Мьянма должна быть важным партнером и страной-бенефициаром ОПОП, особенно учитывая ее стратегическое расположение на одном из шести коридоров проекта, а именно Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма. Однако пример Митсонской плотины демонстрирует взаимозависимость экологических и социальных проблем, которые могут возникать как результат внедрения плохо продуманных и спланированных гидроэнергетических проектов, влекущих за собой риск отказа от реализации как таковой. Это наблюдение особенно актуально в свете того, что энергетика является одним из ключевых секторов в экономиках стран ЦА, равно как и источником соответствующих разногласий. В документе «Видение и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути 21 века» [англ. *Visions and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road*] в качестве приоритетных задач указываются: стимулирование сотрудничества в сфере объединения энергетической инфраструктуры, создание трансграничных сетей энергоснабжения и маршрутов передачи электроэнергии, а также сотрудничество в области модернизации и преобразования региональной электрической сети. Правительство Мьянмы заморозило соответствующий проект – который должен был быть реализован китайской госкомпанией *China Power and Investment Group* – на 50 лет после скоординированного противодействия проекту со стороны местных оппозиционных групп, общественных организаций, ученых и экологов. Митсонская плотина должна быть построена в особо чувствительной зоне – члены *качинской* этнической группы находятся в состоянии вооруженного противостояния с правительством Мьянмы. Неудивительно, что планы по строительству плотины и новый политический ландшафт в Мьянме в конечном итоге привели к приостановке проекта, что усугубило и без того нестабильную ситуацию на местном уровне. Следствием таких действий является *синофобия*, которая может усугубляться неустойчивыми подходами к управлению людскими ресурсами, т.е., например, отказом от использования местной рабочей силы в странах с высоким уровнем безработицы и привлечением вместо нее рабочих из Китая. Такое нарастание недовольства моделью развития, продвигаемой КНР, может вылиться в политические проблемы и, таким образом, стать серьезным фактором риска для инициатива «Один пояс – один путь» в целом. Аналогичные проблемы возникли в связи с проектом нефтеперерабатывающего завода «Джунда» в северном Кыргызстане стоимостью 430 млн дол. США, в настоящее время использующего лишь малую долю своих производственных мощностей. В этом случае имели место волнения среди рабочих, вызванные китайской политикой в сфере занятости, и протесты против загрязнения воздуха и воды в населенных районах, расположенных вокруг завода. Это привело к обострению синофобии в Кыргызстане, где по сообщениям имели место даже связанные с этим случаи насилия, и усилению антикитайских настроений среди кыргызских политиков.

Описанные выше проектные проблемы могут небезосновательно являться частью более широкой картины. Ссылаясь на исследование, проведенное консалтинговой компанией *RWR Advisory*, Джордж Магнус выражает серьезную обеспокоенность по поводу проектных провалов в рамках ОПОП. Так, было установлено, что 14% или 1 674 проекта, осуществленных в 66 странах с 2013 г., столкнулись с проблемами ввиду одной и той же проблемы – неэффективного управления – последствия которой принимали различные формы, от общественной оппозиции и трудовых споров до задержек в реализации и обеспокоенности в связи с национальной безопасностью. Магнус утверждает, что инициатива «Один пояс – один путь» скорее представляет собой китайско-центричную стратегию глобального присутствия, нежели передовую модель экономического роста и финансирования глобальной экономики (Магнус, 2018). Вместе с тем будет справедливым отметить, что данное исследование все же было сосредоточено больше на провалах, чем на успехах, а сбалансированная оценка проектов, в том числе, требует и анализа критически важных факторов успеха.

6. Водные вопросы верховий и низовий между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном

Политэкономические аспекты водной небезопасности в Центральной Азии преимущественно обусловлены вопросами регулирования, географии, регионального соперничества, разнонаправленности экономических приоритетов и делимитации национальных границ. Сложный клубок взаимосвязанных факторов, особенно что касается конкурирующих национальных повесток участвующих в инициативе «Один пояс – один путь» государств, потенциально может оказать общее отрицательное воздействие на целевые проекты. Так, и Кыргызстан, и Таджикистан планируют построить плотины для выработки гидроэлектроэнергии – нехватка которой ощущается в зимние месяцы – с целью снизить зависимость от энергопоставок из Узбекистана, вырабатывающего свою электроэнергию на основе ископаемых видов топлива – а также, в конечном счете, для ее экспорта. Эти небогатые страны с ограниченными, кроме водных, ресурсами стремятся воспользоваться тем, что у них есть – водой. Тем не менее, располагаясь в низовьях, Узбекистан рассматривает строительство Рогунской плотины и плотины «Камбарата-1» на реках Вахш и Нарын в Кыргызстане и Таджикистане как угрозу, так как это может негативно отразиться на водообеспеченности жизненно важной для него хлопковой отрасли. Конкурирующие потребности стран привели к постепенному ухудшению отношений между ними после краха советской системы централизованного планирования и, даже, к угрозе возникновения войны (Хамидов, 2017). Учитывая историю межэтнического противостояния в регионе – последним известным примером которого стал конфликт в кыргызском городе Ош в 2010 г. между узбекским меньшинством и кыргызским большинством – такие заявления далеки от преувеличения. Подобные столкновения, включая Андижанские волнения и массовые убийства в 2005 г., имели место в этнически неоднородной и искусственно разделенной Ферганской долине, части которой

находятся внутри суверенных границ Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. По утверждениям большинство конфликтов в долине было вызвано доминированием определенной этнической группы в отношении экономических ресурсов региона (Бортакур, 2017). Поддерживая правительство Узбекистана, ШОС предпочла списать причины ситуации скорее на религиозно мотивированный терроризм, а не на межклановую борьбу и стремление к этнической идентификации, обостренного вопросом доступа к водным ресурсам.

Несмотря на противоречивые объяснения социального конфликта, протекающая через долину река Сырдарья, по-прежнему является жизненно важным источником воды для 13 млн жителей этого густонаселенного региона и одним из конфликтных факторов в случае сокращения доступа к воде или ее дефицита. Ниже по течению меры по усовершенствованию системы управления водными ресурсами реки Сырдарьи в рамках финансируемого Всемирным банком (ВБ) проекта оказали положительный эффект на так-называемое Северное (или Малое) Аральское море (САМ), а именно позволили снизить минерализацию воды, возродить рыболовство, улучшить состояние флоры и фауны и обеспечили возвращение местного населения к приносящей доход деятельности. Вторым этапом проекта предусматривается дальнейшее улучшение состояния здоровья населения и содействие развитию растениеводства и животноводства в регионе (Всемирный банк, 2014). Проект ограничен территорией Казахстана и ныне изолированным САМ и, таким образом, не угрожает Аральскому морю как целостной экосистеме. Тем не менее, данный проект можно не без оснований назвать успешным примером сопряжения социально-экологических мер, экономических целей и мероприятий по улучшению благосостояния населения. Аналогичные действия в узбекской части моря могут столкнуться с более серьезными вызовами, а принятие оптимальных решений может быть значительно затруднено, особенно учитывая интересы хлопкового сектора. Осуществляемый ВБ проект также подчеркивает важность эффективного управления водными ресурсами Сырдарьи в верхнем течении, а также трансграничного сотрудничества на благо всего региона в целом. В этом смысле опыт проекта по соотношению достижимых проектных целей с реалистично исполнимыми задачами в его рамках, а также анализ опыта других успешных инициатив представляет ценность.

7. Регулирование и управление: недостатки, вызовы и решения

Очевидное решение изложенных выше проблем связано с трансграничным водным регулированием, согласованностью мер и более эффективным управлением совместно используемыми ресурсами. Хотя самые последние сведения указывают на то, что – после политических изменений в стране – Узбекистан снова демонстрирует готовность участвовать в водных проектах, сохраняются серьезные проблемы институционального характера и связанные с урегулированием конфликтов. Как отмечалось ранее, нерациональное использование водных ресурсов – в частности в хлопководстве – а также применение устаревших и трудоемких технологий являются факторами, стимулирую-

щими сохранение водной безопасности в Узбекистане. Сложное взаимовлияние социальных, политических, экономических и экологических факторов действительно порождает сомнения относительно устойчивости сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь», равно как и еще раз подчеркивает важность способности Китая разрешать вопросы, возникающие между целевыми государствами.

Несмотря на то, что ОПОП все еще находятся на стадии формирования, «видение и планы» в отношении инициативы и накопленные на сегодняшний день данные свидетельствуют о том, что вовлечение в процесс заинтересованных сторон, в том числе для учета различных социальных и экологических составляющих, жизненно важно для общей успешности инициативы. Ключевым документом в этом отношении является Экологический и природоохранный план инициативы «Один пояс – один путь» [англ. *Belt and Road Ecological and Environmental Plan*] от мая 2017 г., в котором изложена концепция экологически безопасной ОПОП. Раздел VII «Осуществление экологических и природоохранных проектов и мероприятий в целях укрепления связей между народами» конкретно указывает на «усиление сотрудничества по предотвращению загрязнения воздуха, воды и почвы и контроля над ним, управлению твердыми отходами и комплексному улучшению состояния окружающей среды в сельских районах» (Экологический план ОПОП, 2017). 25 ключевых проектов в рамках инициативы зиждутся на принципах согласования политик, связи между объектами, беспрепятственной торговли, финансовой интеграции, связей между народами и наращивания потенциала. Единственным проектом, непосредственно затрагивающим водную сферу, является «Лансинг-Меконгская речная платформа экологического сотрудничества» [англ. *The Lancang-Mekong River Environmental Cooperation Platform*]. Само название уже подчеркивает важность аналогичных инициатив по трансграничному сотрудничеству в верхнем и нижнем бьефах экологически и политически чувствительных рек Или и Сырдарья, упомянутых в настоящей статье. Обнадуживает то, что в целом документ уделяет значительное внимание вопросам экологического промышленного развития и сотрудничества с национальными, муниципальными и местными органами власти; но, вместе с тем, обходятся стороной вопросы оценки рисков и экологических последствий и урегулирования локальных конфликтов. Документ представляет собой скорее свод общих принципов и декларацию о намерениях, чем кодекс поведения. Так, например, в нем не прописано условие наличия в рамках каждого проекта ОПОП встроенной системы механизмов для обеспечения его экологической и социальной устойчивости. В этом смысле «Экологическая и социальная система» АБИИ характеризуется большей определенностью – в аналогичном документе АБИИ заявляется, что экологическое и социальное планирование и управление рисками являются ключевыми направлениями проектной деятельности организации. Фонд Шелкового пути также четко выражает свою конструктивную позицию в отношении «социальной ответственности».

Неэффективное регулирование и недостаточный уровень трансграничного сотрудничества видятся как наиболее вероятные «линии разлома», которые будут тормозить масштабную реализацию инициативы «Один пояс – один путь». Без заблаговременного прогнозирования и смягчения потенциальных факторов риска эффект от двусторонних соглашений, партнерств и инновационных моделей финансирования будет минимальным. Дополнительными факторами риска являются распространенная коррупция и вышеупомянутые препятствия в сфере торговли, особенно задержки при пересечении границ. Последние можно рассматривать как серьезную преграду на пути успешного создания новых международных транспортных коридоров, которые по замыслу должны стимулировать экспортно-ориентированный рост и международную торговлю. Эффективное регулирование является неотъемлемым условием успеха ОПОП, но – даже в случае усовершенствования соответствующих систем – необходимо, чтобы эти изменения получили практическое воплощение в эффективных проектных мероприятиях, реализуемых непосредственно на местах. Дисциплиной проектного управления предполагается надлежащее прохождение этапов разработки и подготовки проектов, что позволяет заранее выявить все потенциальные риски и сформулировать целевые стратегии их смягчения. Для снижения риска возникновения конфликтов в небезопасных регионах экологические ограничения, особенно связанные с водой, должны получать надлежащее внимание наряду с целями самих проектов инициативы «Один пояс – один путь». В случае наличия реальной возможности срыва какого-либо проекта из-за выявленных рисков, его осуществление следует отложить до проведения планировочных мероприятий с участием заинтересованных сторон или вообще отказаться от его реализации. В первую очередь, разработка проектов для внедрения в экологически уязвимых зонах должна включать фазы оценки воздействия на окружающую среду и стратегической оценки воздействия.

Настоящая статья привлекает внимание к ряду важных социальных и экологических рисков, требующих дальнейшего анализа, не забывая о том, что Центральная Азия также испытывает на себе последствия изменения климата, а гидроэнергетические системы подвержены рискам в связи с сейсмичностью региона. Проектные риски гуманитарного измерения можно снизить посредством вовлечения и активного взаимодействия с заинтересованными сторонами, что справедливо в отношении как отдельных граждан, так и сообществ, проживающих вокруг проектных объектов. Проекты по строительству Митсонской плотины в Мьянме и нефтеперерабатывающего завода «Джунда» в Кыргызстане продемонстрировали возможные последствия недостаточного участия заинтересованных сторон, не говоря уже о рисках, связанных с разработкой и планированием проектов, осуществляемых только на двустороннем правительственном уровне и среди доминирующих «серых кардиналов» без учета потенциальных последствий тех или иных политических изменений.

8. Заключение

Развитие инициативы «Один пояс – один путь» во многом определяется сочетанием геополитических задач и внутренних экономических и политических факторов. Тем не менее она способна внести значительный вклад в развитие мировой торговли и бизнеса, включая экономический прогресс центральноазиатских соседей Китая. Однако, игнорирование рисков, связанных с проектами в рамках инициативы, может иметь серьезные последствия, включая ухудшение состояния окружающей среды и социальные и этнические конфликты. Центральная Азия испытывает проблемы в сфере водной небезопасности. Слабость систем регулирования, межгосударственные споры, связанные с контролем над водными ресурсами, и локальные конфликты стали отличительной чертой современного постсоветского периода истории региона. Также наблюдается конкуренция между водными потребностями сельскохозяйственного и гидроэнергетического векторов развития отдельных государств, равно как и между отдельными инфраструктурными проектами в рамках самой инициативы ОПОП. Вероятно, их можно решить посредством эффективного трансграничного сотрудничества и регулирования, но даже в этом случае все еще требуются значительные экологические и социальные проблемы. Недавний опыт не вселяет надежды, о чем свидетельствуют экологическая Аральская катастрофа и пессимистичные сценарии будущего для озера Балхаш в случае реализации соответствующих оросительных проектов. Оба эти примера говорят о том, что централизованное планирование с приоритизацией национальных сельскохозяйственных программ может наносить ущерб окружающей среде, что, в конечном итоге, лишь усугубляет социальные конфликты и негативно сказывается на здоровье и средствах к существованию населения.

В устных заявлениях и письменных документах «Один пояс – один путь» чаще всего упоминается в качестве «рамочной концепции» или «инициативы», а не «программы» или «проекта». Возможно, более правильно будет рассматривать ее как «руководящее видение» или «широкое обязательство», все еще находящееся на стадии формирования. Воплощение концептуального видения в конкретные шаги на местах и целевые проекты в «сложных» регионах сопряжено с серьезными трудностями. Некоторые из них освещены в настоящей статье через призму водной небезопасности. Все еще предстоит концептуализировать и сформулировать устойчивые и экологически безопасные проекты для реализации в рамках ОПОП на основе тщательной оценки рисков и вовлечения заинтересованных сторон, в полной мере учитывающих экологические, социальные и местные человеческие факторы и реалии. Ведь, системность подходов и заключается в том, что при разработке конкретного проекта местное и глобальное измерения имеют одинаково важное значение.

Список литературы

1. Акофф, Р.Л. (1974). Перепроектирование будущего: системный подход к социальным проблемам [*Redesigning the Future: a Systems Approach to Societal Problems*], Нью-Йорк, Wiley;

2. План по охране окружающей среды и сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс – один путь», 2017, веб-портал инициативы «Один пояс – один путь» [Эл. ресурс] URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/13392.htm> (дата обращения: 25 августа 2018 г.);
3. Бортакур, А. (2017). Анализ конфликта в Ферганской долине [*An Analysis of the Conflict in the Ferghana Valley*], *Asian Affairs*, том 48, №2, с. 334-350;
4. Кейси, М. (2014). Леденящие комментарии Путина по Казахстану [*Putin's Chilling Kazakhstan Comments*], *The Diplomat* [Эл. ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2014/09/putins-chilling-kazakhstan-comments/>;
5. Касарини, Н. (2016). Когда все дороги ведут в Пекин: оценивая новый Шелковый путь Китая и его последствия для Европы [*When All Roads Lead To Beijing: Assessing China's New Silk Road and Its Implications for Europe*], *The International Spectator*, том 51, №4, с. 95-108;
6. Чан-Ляо, И. (2016). Новая внешняя политика Китая при Си Цзиньпине [*China's New Foreign Policy under Xi Jinping*], *Asian Security*, том 12, №2, с. 82-91;
7. Кули, А. (2016). Формирующаяся политическая экономия ОПОП: вызовы в связи с продвижением взаимосвязанности в Центральной Азии и за ее пределами [*The Emerging Political Economy of OBOR: the Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond*], Доклад CSIS Freeman Chair in China Studies, Центр стратегических и международных исследований (ЦСМИ), Вашингтон, округ Колумбия;
8. Хамидов, К. (2017). Водный кризис в Центральной Азии: Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан [*Water Crisis in Central Asia: Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan*], *Global News View* [Эл. ресурс] URL: <http://globalnewsview.org/archives/4755>;
9. Хит, Т. (2016). Формирующийся подход Китая к экономической дипломатии, [*China's Evolving Approach to Economic Diplomacy*], *Asia Policy*, №22, с. 157-191;
10. Ходли, С. и Ян, Ц. (2007). Межрегиональные инициативы Китая в сфере ССТ: на пути к всеобъемлющей национальной власти [*China's Cross-Regional FTA Initiatives: Towards Comprehensive National Power*], *Pacific Affairs*, том 80, №2, с. 327-348;
11. Холслаг, Дж. (2017). Как китайский Шелковый путь угрожает европейской торговле [*How China's Silk Road Threatens European Trade*], *The International Spectator*, том 52, №1, с. 46-60;
12. Гвим, Г. и Пемпель, Т. (2016). Подъем Китая и экономическая взаимозависимость: Китай в эпоху Си Цзиньпина [*China's Rise and Economic Interdependence, China in the Era of Xi Jinping*], Georgetown University Press, с. 196-232;
13. Джонсон, К.К. (2016). Инициатива президента Си Цзиньпина «Один пояс – один путь»: практическая оценка дорожной карты коммунистической партии КНР по глобальному возрождению Китая [*President Xi Jinping's Belt and Road Initiative:*

- a Practical Assessment of the Chinese Communist Party's Roadmap for Chinese Global Resurgence*], Доклад CSIS Freeman Chair in China Studies, ЦСМИ, Вашингтон, округ Колумбия;
14. Лоуренс, У. (2017). Темное наследие китайской жажды глобальных ресурсов [*The Dark Legacy of China's Drive for Global Resources*], *Yale Environment* 360, опубликована на ф-те лесного хозяйства и охраны окружающей среды Йельского университета [Эл. ресурс] URL: <https://e360.yale.edu/features/the-dark-legacy-of-chinas-drive-for-global-resources>;
 15. Магнус, Дж. (2018). Летом в Китае ожидается политическая жара [*Political Heat is Rising in China's Summer*] [Эл. ресурс] URL: <https://georgemagnus.com/political-heat-is-rising-in-chinas-summer/> (дата обращения: 2 сентября 2018 г.);
 16. Миллер, Т. (2017). Азиатская мечта Китая: строительство империи вдоль нового Шелкового пути [*China's Asian Dream: Empire Building Along the New Silk Road*]. Zed Books, Лондон;
 17. Пропастин, П. (2012). Проблемы управления водными ресурсами в водосборном бассейне озера Балхаш с точки зрения политической экономии [*Problems of Water Resources Management in the Drainage Basin of Lake Balkhash with Respect to Political Economy*]. В: Леаль-Фильо, В. (ред.) Изменение климата и устойчивое использование водных ресурсов [*Climate Change and the Sustainable Use of Water Resources*], Springer, Берлин, Хайдельбург;
 18. Саксена, А. (2014). Шанхайская организация сотрудничества и безопасность в Центральной Азии [*The Shanghai Cooperation Organization and Central Asian Security*] [Эл. ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2014/07/the-shanghai-cooperation-organization-and-central-asian-security/>;
 19. Сала, Р., Деом, Ж.М., Нигматова, С., Эндо, К., Кубота, Ж. (2017). Советские, недавние и плановые исследования поведения озера Балхаш [*Soviet, Recent and Planned Studies of the Behavior of the Balkhash Lake*], обновленная версия статьи опубликована в: *Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан*, том 2, №416, с. 76-86;
 20. Штернберг, Т., Ахеарн, А., Макконнелл, Ф. (2017). Центральноазиатские «характеристики» нового Шелкового пути Китая: роль ландшафта и инфраструктурная политика [*Central Asian 'Characteristics' on China's New Silk Road: the Role of Landscape and the Politics of Infrastructure*], *Land*, том 6, №55, с. 13-16;
 21. Свенссон, Й. (2017). Сессия в формате «Вопрос-ответ» с Керри Брауном: проект «Один пояс – один путь» и последствия водного кризиса в Центральной Азии. *Всемирный водный форум* [Эл. ресурс] URL: <http://www.globalwaterforum.org/2017/08/17/q-a-the-one-belt-one-road-project-and-the-implications-of-central-asias-water-crisis/>;
 22. Тевс, Н., Нуртазин, С., Бекманн, В., Халил, А. (2017). Водопотребление в сельском хозяйстве и природных экосистемах вдоль реки Или в Китае и Казахстане

-
- [*Water Consumption of Agriculture and Natural Ecosystems Along the Ili River in China and Kazakhstan*], *Water*, том 9, №3;
23. Тупс, С. (2016). Размышления об инициативе Китая «Один пояс – один путь» [*Reflections on China's Belt and Road Initiative*], *Area Development and Policy*, том 1, №3, с. 352-360;
24. Ван, Я. (2016). Наступление в оборонительных целях: инициатива «Один пояс – один путь» и новая великая стратегия Китая [*Offensive for Defensive: The Belt and Road Initiative and China's New Grand Strategy*], *The Pacific Review*, том 29, №3, с. 455-463;
25. Всемирный банк (2014). Всемирный банк и Казахстан планируют дальнейшие улучшения в северной части Аральского моря [Эл. ресурс] URL: <http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2014/07/10/world-bank-and-kazakhstan-plan-further-improvements-in-northern-aral-sea-area> (дата обращения: 3 сентября 2018 г.);
26. Чжан, Ц. (2015). Новая внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: на пути к «Мирному подъему 2.0»? [*China's New Foreign Policy under Xi Jinping: Towards "Peaceful Rise 2.0"?*], *Global Change, Peace and Security*, том 27, №1, с. 5-19.